

ВЕЗЕНИЕ АРТИСТА ЕВСТАФЬЕВА

С 12 по 26 мая в Москве проходят гастроли Орловского ТЮЗа. Среди тех, кто представляет театр на московской сцене, — один из ведущих актеров ТЮЗа — Дмитрий Евстафьев.

Судьба Дмитрия Евстафьева в Орловском ТЮЗе сложилась счастливо. Первая роль — Венька Мальшев в «Жестокости» П. Нилына — сложная, трагическая, что само по себе интересно для артиста. А потом признание: еще и еще роли, если и не главные, как, скажем, Макаренко в «Колонистах» или профессор Полежаев, то уж во всяком случае центральные, выигранные — Мальволио в «Двенадцатой ночи», Егорыч в «Отпуске по ранению» или Эгист в истории про Электру.

Судьба артиста во многом зависит от творческого руководителя — так по крайней мере считается. Но и судьба режиссера зависит от судьбы театра, а судьба театра — от города, в котором он существует, от зрителей, заполняющих зал или не желающих, хоть умири, заполнять его. Все взаимосвязано и взаимообусловлено, и художник, если он хочет влиять на город, должен понимать, что от него требуется.

В труппе Орловского ТЮЗа самым читающим человеком слывет Дмитрий Евстафьев. Журналы, книги, газеты у него постоянно под рукой. Он и жизнь читает, как книгу: размышляя,

вникая в суть. И это никак не назовешь везением, счастьем.

Или другая сторона этого «везения». После окончания актерского курса в Ленинградском институте театра, музыки и кино Евстафьева приняли в труппу театра имени Ленсовета. Для начинающего актера — счастье немислимое! И все-таки после двух лет довольно-таки благополучной работы он взял да и уехал в Красноярск, в ТЮЗ. Решиться поменять, можно сказать, столичный театр на далекий сибирский! Ведь известно же, что у столицы помимо социальных, культурных, бытовых преимуществ, есть и свои, театральные. Эти театры готовят два-три спектакля в сезон, есть время найти зерно роли, вырастить его и т. д. В провинциальном же театре, где необходимость заставляет выпускать по шесть — восемь премьер, этот процесс приходится интенсифицировать. И очень легко поиск заменить штампом, психологическую глубину — наигрышем.

Единственное, что может противостоять им, — энергия, напряжение — именно интенсификация и творчества, и всей жизни.

Он занят в одиннадцать спектаклях из шестнадцати, а кроме того, ведет драматический коллектив в пединституте. Еще поставил в театре самостоятельно спектакль «Святая святых», хотя публично признает, что вовсе это не актерское дело — ставить спектакли.

Эта неуемность характера, доставшаяся от природы тоже, сознательно культивируется и развивается артистом, потому что здесь, в Орловском ТЮЗе, она очень точно соответствует технологии актерского творчества, разрабатываемой главным режиссером Ю. Копыловым и актерами.

Есть зрители, совершенно точно знающие, что такое перевоплощение: «Вы видели в спектакле Такого-то? Ну совершенно на себя не похож! Я только по программке догадался». Евстафьев тоже отлично умеет «притворяться». Чтобы узнать его, скажем, в Крисе («Алые паруса»), нужно сделать известное усилие, хотя и там он, как всегда, играет без грима. Но лучшие работы все же те, где происходит не столько перевоплощение, сколько проникновение актера в образ. Те работы, где внутри сценического создания живет и мучается Дмитрий Дмитриевич Евстафьев. Он там — внутри коммуниста Макаренко и прожженного политика Эгиста, внутри мучительно

мудрого Полежаева и глуповатого Мальволио, он внутри всех своих героев, у каждого из них есть нечто общее, и это нечто — бескомпромиссность, нравственный максимализм, какая-то неистовость в достижении цели.

В самом деле, Макаренко не был бы Воспитателем без этих основополагающих черт, но и Эгист, как ни странно может показаться на первый взгляд, не был бы жестоким правителем без этих же черт. Важно только, на что направлены они. У Макаренко — бескомпромиссность коммуниста, борца за души человеческие, за их чистоту. У Эгиста — на разрушение. Эгист Евстафьева — тоже борец, но за свою собственную, разрушительную правду, иначе как бы мы с вами поверили — вместе с Электрой и Орестом — в необходимость казнить этого тирана. Трагичен Полежаев в своем стремлении в любых обстоятельствах продолжать научный поиск. Сместон Мальволио, неудержимо рвущийся к любви. Но мы потому верим им обоим, что внутри каждого есть человек, сумевший понять их природу.

Хорош ли, плох ли Егорыч из «Отпуска по ранению», сказать трудно. Он ранен не только телом, но и душой, неистово ненавидит он войну и «гада-Гитлера», и нам больно за искалеченного солдата...

Суть в том, что сложность героев Евстафьева возникает от человеческой сложности самого актера, что за точными, но скупыми деталями бытового правдоподобия всегда стоит ооольшая правда. Мысли, идеи, которые он несет в зал, заряжены такой энергией, что зритель — вольно или невольно — не может отделиться созерцанию происходящих на сцене событий, а вступает в диалог с артистом.

Это и есть театр, природа которого — общение...

Везучий человек Дмитрий Евстафьев или нет? У него есть театр, в котором он ведущий артист. Он много работает. Есть режиссер, который угадал творческую природу его и организывает в жестких рамках сценических своих построений свободное пространство для актерского самовыражения... А может быть, сам артист угадал в Копылове своего режиссера и без малого пять лет назад ринулся вслед за ним — в неизвестность, в незнакомый город, в новый театр, в бытовые неурядицы, в сложность создания нового?.. Ведь мог бы и не ехать. Как мог не уезжать когда-то из Ленинграда. Как может позволить себе теперь, пользуясь правом ведущего артиста, расслабиться, отдохнуть...

Только позволит ли?

О. КУЗНЕЦОВ.